

Глава III

«XX ВЕК БУДЕТ ЖЕНСКИМ ВЕКОМ...» (1889—1912 годы)

1

Летом 1889 года, когда Суворин путешествовал по Европе и посылал в «Новое время» свои «Маленькие письма» о французских парламентских выборах, Лев Толстой дорабатывал повесть «Крейцера соната». Сочинение это претерпело девять редакций, однако еще до окончательного завершения стало сенсацией и нелегально распространялось в списках и литографированных копиях с подзаголовком «Повесть о том, как муж убил свою жену». Вернувшись в Россию, Суворин поддался ажиотажу и обратился за помощью к самому автору:

Мне очень хочется прочесть Вашу повесть, которую читали здесь у Кузьминских и о которой я много слышал. Вы знаете, как я люблю Ваши вещи, а эта вещь особенно интересует меня. Когда-то Вы ее напечатаете, пожалуй, и не дожدهмся. Вам бы только написать, что я могу ее взять на один день у Кузьминских¹.

Получив повесть, Суворин немедленно прочел ее и не откладывая написал Толстому восторженный отзыв:

Все мы изгадились, изоврались, исфарисействовались, но, когда я чувствую, что в каждом слове глубокая правда, которая меня потрясает, и потрясает так, что я жалею о том, что не было такой книги, когда я был молод, что такая книга спасла бы меня от многих гадостей, которые я наделал, то как я могу говорить, что тут какой-то цинизм и даже посягательство на чистоту нравов? Я Вам говорю, что ничего

¹ ОР Гос. музея Л. Н. Толстого. С-189. 46. Письмо от 21.11.1889.

подобного вы еще не писали, ни в одном Вашем сочинении нет такой нужной для всех правды, так изумительно просто выраженной¹.

Цензура печатание повести в периодических изданиях за претила. Жена писателя, добившись аудиенции у Александра III, смогла получить разрешение на включение ее в 13-й том собрания сочинений Толстого, который вышел в свет лишь через полтора года, в июне 1891-го. Между тем повесть, в которой опрокидывались все общепринятые взгляды на брак, семью и любовь, подверглась широкому обсуждению (без прямых на нее ссылок из-за цензурного запрета)². Как вспоминала тетка писателя, А. А. Толстая, «...самые важные политические события редко завладевали всеми с такой силой и полнотой»³. По мнению ряда исследователей (L. Engelstein, P. Møller, И. Кон, R. Stites и др.), дискуссия актуализировала так называемый «половой вопрос» и не только стала осознанно определенной культурной темой, но и имела продолжение в профессиональном медицинском дискурсе, который начал широкую пропаганду полового воздержания⁴.

Реакция Суворина на повесть в письме к Толстому весьма интересна — она отсылает к его первому браку, который закончился убийством неверной жены. Хотя Анна Ивановна Баранова погибла от руки любовника, Суворин, по-видимому, и спустя пятнадцать лет мучался этой трагедией, и, глухо упоминая совершенные им «гадости», он, возможно, дает понять, что так или иначе (то есть действием или бездействием) причастен к гибели жены. Между тем повесть имеет точки пересечения и его вторым браком: Анна Ивановна Орфонова, с 1881 года не рожавшая детей, своими изменами мужу

¹ ОР Гос. музея Л. Н. Толстого. С-189. 46. Письмо от 12.12.1889.

² Подробный обзор дискуссии см., например: Møller P. Postlude to the Kreutzer Sonata: Tolstoy and the Debate on Sexual Morality in Russian Literature in the 1890s. E. J. Brill, 1987. P. 128—163.

³ Толстой Л. Н. ПСС. В 90 т. М.; Л., 1928—1958. Т. 27. М., 1936. С. 588.

⁴ См., например: Engelstein L. The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca and London, 1996. С. 218—225. Рус. пер.: Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX вв. М., 1996.

превратила брак в пустую оболочку, сделав Суворина глубоко несчастным и страдающим депрессией человеком.

Находясь под сильным впечатлением от «Крейцеровой сонаты», Суворин немедленно включился в дискуссию. Вслед за письмом Толстому он публикует в «Новом времени» свое «Маленькое письмо», в котором развивает мысль о том, что уклоняющаяся от деторождения женщина начинает предаваться сексуальным излишества, влекущим за собой психопатическое расстройство ее личности:¹

Назначение женщины — быть хозяйкою в доме и матерью. Это прежде всего и лучше всего. <...> «Zwei Kindersystem» и проч. только извращают женский организм и вырождают его; та нервность, та психопатия, те изнурительные болезни и крайняя раздражительность, которые отличают современную женщину не у нас одних, а всюду в образованных слоях, лежат в значительной степени в этом добровольном извращении женского организма и его назначения².

В наступившем 1890 году, опубликовав с января по апрель в «Новом времени» десять «Маленьких писем» на самые разнообразные темы, Суворин объявил о своем намерении заменить уехавшего за границу Виктора Буренина, чтобы не прерывать выходящие по пятницам его «Критические очерки». Привычный жанр фельетона дал Суворину возможность широко интерпретировать и пропагандировать парадоксальную толстовскую проповедь целомудрия как для женщин, так и для мужчин не только вне брака, но и супружеской жизни³. Его размышле

¹ Как и Толстой, Суворин придерживается дилетантского взгляда на причину женской истерии, игнорируя выработанный к тому времени научный подход, согласно которому истоки этой проблемы лежат в сексуальной неудовлетворенности женщины. Подобная проблематика «Крейцеровой сонаты» рассматривается в: *Ранкур-Лаферьер Д.* Русская литература и психоанализ. М., 2004. С. 541—859.

² Новое время. 29.12.1889.

³ Помимо книги Peter Møller, см. обсуждение толстовской идеи «радикального» целомудрия, например, в: *Матич О.* Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008. С. 53—64; *Mandelker A.* Framing Anna Karenina: Tolstoy, the Woman Question, and the Victorian Novel. Columbus, 1993. P. 30—33.

ния, печатавшиеся в течение полутора месяцев, заняли восемь газетных подвалов и, пожалуй, представляют собой самый большой суворинский публицистический текст на тему «Женский/половой вопрос».

В первых двух фельетонах под общим названием «Много женство или единоженство?»¹ Суворин настаивает на необходимости соблюдать целомудрие до брака обоим полам и говорит о пользе «правильной и гигиенической жизни в супружестве». Обоснование целомудрию он находит в теории Дарвина: «Знание и наука проповедуют воздержание и разумное исполнение законов природы, за нарушение которых человечество вырождается, делается нервным, безвольным, бесхарактерным». Далее он делает сильный пропагандистский ход, связывая науку и религию, и тем самым повышает доказательность своего аргумента для религиозной в своей массе читательской аудитории: «Евангельские положения о браке, о чистоте душевной и телесной становятся истинами и при свете науки». Однако вслед за тем Суворин сбивается на привычную для него женофобскую аргументацию. У эволюционистов он находит выход в воспринятую им еще в 70-е годы теорию витальной энергии: «Спенсер называет трату сил на порок бесполезным выпусканьем пара». Уточняя эту мысль — «Под влиянием невоздержания энергия человека истощается в его душе как раз в то время, когда он наиболее нуждается в ней», — Суворин переходит от спокойного и конструктивного обсуждения общественной морали к страстной мизогинистской филиппике, явно указывая на причину неразумного расходования энергии:

Странная вещь: точно женщина и в самом деле мешает мужчине, точно она стала ему на пороге и не дает подняться духом, точно мужчина, гордый своим умом, своими дарованиями, своими стремлениями, чувствует себя приязанным к земле, к низменной пошлости женщиною. <...> Мне вспоминается выражение Бальзака, который сказал: «одна ночная оргия с женщиной берет столько сил, что

¹ Новое время. 13.04.1890; 20.04.1890. Название фельетона Суворин позаимствовал у норвежского писателя Bjørnstjerne Bjørnson; см. об этом Møller P. Postlude to the Kreutzer Sonata. С. 140.

их хватило бы на целый том». <...> Мужчина не может не сознавать, что высокие подвиги и помыслы разбиваются от соприкосновения женщин. <...> Что расслабляет человека, делает его праздным, вялым, ничтожным, безвольным, связано с женщиной¹.

Будто бы в оправдание Суворин заручается поддержкой авторитета: «...и один из величайших умов нашего века, Шо пенгауэр, анализировал женщину с беспощадностью ненавистника». Такую же беспощадность Суворин находит и у Толстого, проводя сравнение его с Тургеневым:

Тургенев рисует любовь мягкими, поэтическими красками и занимается преимущественно тем временем, когда она развивается и растет. <...> У Толстого, напротив, вопрос о семейной жизни на переднем плане. <...> Толстой берет их [героев] именно в то время, когда Тургенев бросает <...> и начинает свой беспощадный анализ их жизни, доводя их иногда до гроба этой прозаической тропой. Если внимательно проследить сочинения Толстого, то его идеи о любви и браке можно изобразить лентой, цвет которой из розового становится черным по мере того, как накапливается ряд годов жизни автора, зреет его анализ, и исчезают иллюзии. Он мало держит читателей в поэзии любви, в ее радостях <...> и как будто торопится отравить ее страданиями и проявлениями животной страсти².

Мизогинистскую оценку получила вся история человеческой цивилизации в следующем суворинском фельетоне, который он назвал «Что такое романтическая любовь»³ и посвятил разбору книги американского критика и музыканта Генри Финка «Романтическая любовь и красота: Развитие, причинная связь, исторические и национальные особенности»⁴ Вслед за автором Суворин прослеживает историю развития

¹ Новое время. 20.04.1890.

² Там же. 13.04.1890.

³ Там же. 4.05.1890.

⁴ *Finck H.* Romantic Love and Personal Beauty: Their Development, Causal Relations, Historic and National Peculiarities. London, 1891.

этого явления с античности до современности и в принципе соглашается с тем, что романтическая любовь была невозможна в тех обществах, где женщина находилась в «зависимости», например в Древней Греции или в Средние века. Однако этот обзор Суворин завершает собственным мизогинистским выводом:

А вся эта [греко-римская] культура, все это высокое напряжение творческой деятельности <...> народилась и выросла совсем без романтической любви, почти при рабстве женщин, без всякого их участия в общественной жизни. Женщина рожала, кормила детей, вела домашнее хозяйство, <...> а все государственное и общественное дело, все то, где требовалась высокая мысль, разум, талант, гений, инициатива, высокое искусство — все это исполнял один мужчина...

Суворин задает вопрос, который снова позволяет ему вернуться к беспокоящей его теме женской независимости в современную ему эпоху: «С тех пор как женщина сделалась свободной, сделало ли человечество столько, сколько оно сделало, когда женщина оставалась рабой?» Ответ для него самоочевиден: «Человечество, стремясь вперед, далеко еще до своего идеала, а женщина далеко еще до мужчины. Женская цивилизация еще не начиналась».

Возможно, книга Финка навела Суворина на мысль рассмотреть подобную тему в контексте российской истории, и его следующий фельетон получил название «Очерк истории русской женщины»¹ — теперь по одноименному названию труда российского историка Серафима Шашкова. Высказав автору некоторые претензии — «Когда читаешь историков русской женщины, то прежде всего замечаешь, что они задаются совсем не историей, а пропагандой освободительных идей», — Суворин делает в целом оптимистичный вывод: «Вообще страницы нашей истории совсем не запятнаны какой-нибудь особенной враждою к женщинам, каким-либо особенным порабощением ее». По мнению Суворина, не чужда русским и романтическая любовь, берущая начало со времен Жуковского и Пушкина

¹ Новое время. 18.05.1890.

патриархальных дворянских поместьях: «И Татьяна Пушкина, и Лиза Тургенева, и Наташа Толстого — все это продукт деревенской жизни. <...> Даже Москва играла у нас более роль деревни, чем города. Настоящим городом был только Петербург». Однако урбанизация, на взгляд Суворина, оказала на русскую женщину пагубное влияние, поскольку породила женскую эмансипацию:

Петербург начал в шестидесятых годах и клеветы на историю русских женщин, и поднял так называемый женский вопрос. Он провозгласил, что русская женщина — раба, что она принижена, она кукла, она должна сознать свои права. О семье, о женщине как матери, как хозяйке, говорилось с презрением и негодованием.

На расстоянии в три десятилетия женская эмансипация видится Суворину исторической ошибкой:

Появилась необыкновенная путаница в понятиях и правах. Начались фиктивные браки, девушки побежали от роди телей, жены от мужей, мужья от жен... <...> Сколько тут было драм и слез, сколько разочарований! <...> Для этого времени еще не настала история, но когда она настанет, ее нельзя будет читать без негодования...

Даже стремление женщин к образованию, которое Суворин энтузиазмом поддерживал в 60-е годы, теперь переосмысливается отрицательно: «...оборотная сторона медали [т. е. образования] была так непривлекательна, а число погибших жертв так велико, что все это не стоило маленьких результатов, которые, быть может, пришли бы сами собою и в более чистом виде...» Однако самый разрушительный итог эмансипации — это сексуальная свобода женщины, о чем Суворин толкует близко к тексту «Крейцеровой сонаты»:

Право наслаждения без обязанностей и без детей — вот та проповедь, которая показалась увлекательной для женщин, ибо осуществление этого идеала, т. е. неимение детей, приравнивало женщину к мужчине, даже ставило ее выше

мужчины, т. е. свободнее его, ибо мужчина все-таки не мог сбросить с себя брeмени работы для поддержания себя и своей половины, а половина могла только любить, любить и изменять¹.

Суворин явным образом не оспаривает экстремальных призывов Толстого к тотальному аскетизму, однако его прогноз развития человеческой цивилизации (увиденный им через призму дарвиновской теории) более страшен, чем толстовский, и эту мысль ему даже важнее донести до читателя:

Отсюда уже недалеко до дальнейшего шага, когда брак можно совсем побоку, и начнется настоящая вражда, последняя вражда за существование между женщиной и женщиной — и они поедят друг друга. Поэтому когда Толстой говорит, что мир может прекратиться от воздержания и целомудрия, то это не особенно страшно: он прекратится мирно и тихо. <...> Но прекратиться во вражде, в борьбе за существование — это нечто вроде пришествия Антихриста.

Вывод, к которому приходит Суворин, практически перифразирует толстовские мысли из его трактата «Так что же нам делать?» (1886) и призывает женщину ограничить свое предназначение рождением детей:

Мир спасется тою женщиною, которая будет исполнять божеские законы, а не тою, которая станет презирать их и заботиться исключительно о самой себе... <...> Если бы женщины понимали все, что заключается в домашней сфере, никогда бы не потребовали они для себя никакой другой сферы деятельности. <...> Что бы женщина ни выдумала, что бы она ни произвела в сфере умственного и артистического труда, все-таки лучше детей она ничего не выдумает².

¹ Подобная ситуация сложилась в семье самого Суворина в 1885 году, когда он был на грани развода с женой и выяснял с ней отношения в переписке.

² Ср.: «Вот такие-то, исполнившие свое призвание [деторождение] женщины властвуют властвующими мужчинами; такие-то женщины готовят новые поколения людей и устанавливают общественное мнение, и потому в руках этих женщин высшая власть спасения людей от существующих

В последнем из серии фельетонов Суворин вновь подводит итог борьбе женщин за свои права, несправедливо закрывая глаза на несомненные достижения женского движения:

Женщины и девушки 60-х годов, так много жертвовавшие собою на алтарь политики и Амура, не произвели решительно ничего выдающегося ни в литературе, ни в искусстве, ни в науке, ни в своем верховном призвании, т. е. не родили ни одного замечательного человека, но, вероятно, много слабых, ничтожных и больных людей, нисколько не думая о том, что они в каждом ребенке пускают в мир целые поколения¹.

По-видимому, Суворин сознавал, что, принимая участие в большой дискуссии на темы личной и общественной морали, он как редактор газеты с самым большим в России тиражом берет на себя серьезную моральную ответственность. Он вступает прямой диалог с целевой аудиторией, давая понять, способствовать улучшению нравов:

Несомненно, однако, что средний русский человек распространился по русской земле, распространился работником полезным, знающим цену и силу интеллигентного труда. <...> Он стал недоверчиво относиться к разным якобы бесспорным положениям и увлечениям историческим и экономическим. <...> Русская мысль бесспорно начинает работать самостоятельно. <...> Но в этой средней полосе русского самосознания <...> едва ли старые заветы гармонично слились с новыми.

В целом дебаты вокруг «Крейцеровой сонаты» имели консервативный дрейф, защищая институт брака, семейные ценности и деторождение. В своей газете Суворин также воздействовал на общественное мнение с помощью «старых заветов», то есть проявил себя консерватором, причем взгляды

и угрожающих зол нашего времени. Да, женщины-матери, в ваших руках, больше, чем в чьих-нибудь других, спасение мира!» (Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1983. Т. 16. С. 392—393).

¹ Новое время. 25.05.1890.

на «женский вопрос» он высказал без всяких стилистических приемов вроде иронической маски. Однако в его подходе есть и попытки слить «старые» заветы с «новыми», то есть модернизировать консерватизм. Несомненно, толстовская повесть послужила Суворину импульсом, между тем как его сдвиг к консерватизму мог произойти и под влиянием современных ему научных теорий эволюционизма, и частности теории вырождения человеческой расы, в которой половое невождение трактуется как один из признаков вырождения¹. Соответственно женская эмансипация, обеспечивающая женщине сексуальную свободу, в этом свете была представлена Сувориным как аномальное социально-историческое явление. Бесспорно и то, что, протестуя против «распущенности брака», Суворин исходил и из личного опыта и потому столь энергично отстаивал патриархальную модель семьи, которую так и не смог воплотить во втором браке.

Проводя консервативную линию, Суворин предоставил обширное газетное пространство для женоненавистнических выпадов одному из самых одиозных российских журналистов Александру Дьякову, писавшему под псевдонимом «Житель». Как вспоминал А. Амфитеатров, «это был человек крайне тяжелый: болезненно подозрительный, мучительно ссорливый, едва ли не одержимый каким-то психозом и иногда просто едва выносимый»². В 1891 году Дьяков опубликовал свои воскресные фельетоны из «Нового времени» в книге «Наши дамы», о которой у критиков не нашлось доброго слова даже в его некрологе:

Еще больше озлобления и страстности <...> Дьяков высказал, касаясь вопроса о разложении семьи. <...> Житель обличает современную русскую женщину, обвиняя ее в продажности, в жажде низменных наслаждений, в неверности

¹ Помимо Дарвина и Спенсера, которых Суворин цитирует в своих фельетонах, в России были известны Бенедикт Морель с трудом «Трактат о физическом, интеллектуальном и нравственном вырождении человека как биологического вида» (1857), а также Генри Модсли с книгой «Наследственность в здоровье и в болезни» (1886). Книги Дарвина, Спенсера и Модсли Суворин держал в домашней библиотеке.

² Антон Чехов и А. С. Суворин: Ответные мысли / Амфитеатров А. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. М., 2004. С. 471.

мужу и бесчисленном множестве пороков. <...> Требуя безусловной верности и покорности от жены, он не предъявлял никаких требований к мужу, а на всякое проявление женской самостоятельности Дьяков смотрел крайне подозрительно¹.

«Крейцерову сонату» Суворин, по всей видимости, обсуждал и с Чеховым. Известно, что первое впечатление от повести у того было сильным, о чем он писал А. Н. Плещееву: «Я не скажу, чтобы это была вещь гениальная, вечная — тут я не судья, но, по моему мнению, в массе всего того, что теперь пишется у нас и за границей, едва ли можно найти что-нибудь равно сильное по важности замысла и красоте исполнения»². Побывав на Сахалине, Чехов свое мнение о толстовском произведении изменил, и, похоже, в продолжение разговора писал Суворину: «До поездки “Крейцера соната” была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бестолковой. Не то я возмужал от поездки, не то с ума сошел — черт меня знает»³.

Тем временем Толстой, получив несметное число откликов на свою повесть, а также просьб прояснить свою позицию, написал «Послесловие к “Крейцеровой сонате”»; оно было опубликовано вместе с повестью в 13-м томе собрания его сочинений июне 1891 года. Суворин, после снятия цензурной и имея возможность говорить о повести открыто, посвятил ему «Маленькое письмо». Толстовский текст, в котором писатель отождествил проповедуемую Позднышевым мораль со своими взглядами, вызвал у Суворина недоумение и неприятие: «Прежде всего, зачем оно нужно было? <...> Чтобы сделать понятнее и влиятельнее саму “Крейцерову сонату”? Но мне думается, что граф Толстой достиг противоположного»⁴.

Кратко изложив читателям «Нового времени» содержание «Послесловия», Суворин теперь отвергает толстовскую проповедь радикального целомудрия, причем свои контраргументы, как и Толстой, черпает в религиозном учении:

¹ *Краснов Пл.* Сатирик нравов (А. Дьяков) // Труд: Вестник литературы и науки. 1895. Т. 28. С. 213—214.

² *Чехов А. П.* ПССП. П. Т. 4. С. 19. Письмо от 15.02.1890.

³ Там же. С. 147. Письмо от 17.12.1890.

⁴ Новое время. 5.02.1891.

Если в основе христианства лежит любовь к ближнему, любовь к людям, то не может лежать в нем отчаяние за род человеческий. А допуская, что полая любовь есть падение, грех, отступление от христианского учения, надо допустить, что Христос совершенно отчаивался за человечество и не видел для него другого пути, кроме самоуничтожения. Я не могу себе представить ни чувством, ни рассудком, что Христос явился на землю для того, чтобы сказать людям, чтобы они как можно скорее помогли друг другу уничтожиться...

Вообще Суворин глубоко разочарован «Предисловием», поскольку, как и многие, разделяет Толстого-писателя и Толстого-мыслителя:¹

...Вся повесть казалась мне шедевром по форме и по содержанию. Я чувствовал всю ту правду, которую Позднышев говорит о воспитании, о женщинах, о браке. <...> Но, чувствуя эту фактическую правду, даже пораженный ею, я отметал все крайние выводы Позднышева... И вот вдруг Толстой подтверждает своим «Послесловием» мнение архиепископа Никанора, что автор «Крейцеровой сонаты» «влагает ему (Позднышеву) в уста не что иное, как свои возлюбленные, известные толстовские идеи...»

Упрекнув Толстого в отождествлении себя со своим героем, Суворин отказывается допускать, что повесть могла быть в некоторой степени автобиографичной:

Автор «Крейцеровой сонаты» — счастливейший человек не потому только, что высоко стоит среди мировых писателей, но и потому, что семейная жизнь его одна из счастливейших. Желать больше счастья, чем он всегда его имел, было бы бессовестно, по крайней мере, с точки зрения среднего человека. И если Толстой говорит, что брак есть падение человека, что безбрачие и уничтожение рода человеческого является высшим идеалом человека, то ему решительно никто не поверит...

¹ Суворин неоднократно высказывался по этому поводу, например: «... для меня и для массы русских людей он [Толстой] мил и любезен не как религиозный проповедник, а как великий художник» (Новое время. 8.03.1895).